

Юбилей

М.Н. Чирятьев, Г.Н. Фурсей

«Величие России только в ее культуре»

*К 100-летию со дня рождения
академика Д.С. Лихачева*

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

Д.С. Лихачев. Декларация прав культуры

Его знали все. К нему прислушивались, с ним советовались и президенты, и самые обычные люди. Не все его понимали, но его слово мобилизовало душу, побуждая к ответственности и сопричастности высоким проявлениям жизни.

Вызывали доверие и уважение его спокойный негромкий голос, искренность, скромность, вежливость и внимательность в общении, ясность и широта ума, культура владения речью, красивая простота которой не допускала вычурности, бравоирования знаниями и даже тени пошлости.

При этом в нем чувствовалась внутренняя правда, свобода и сила, он готов был смело отстаивать жизненные принципы и ради этого часто шел на риск. Способность к творчеству в работе, выступлениях, общении была для него естественной, так же, как для культуры естественен творческий рост.

Д.С. Лихачев в домашнем кабинете. 1980-е гг.

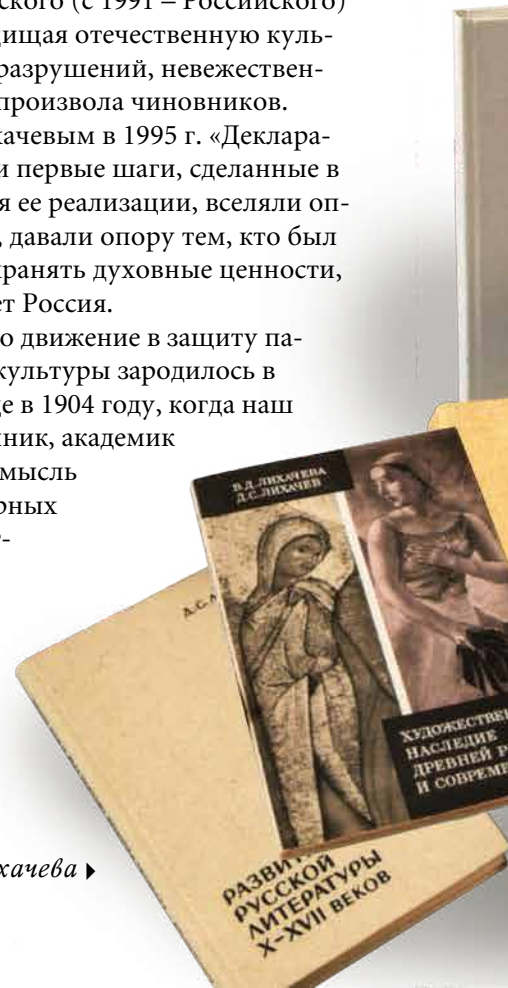
Его память вмещала самые разные пласты истории родной страны, других народов и собственной жизни. При этом его заботили корни прошлого, питающие будущие всходы культуры, в них он видел жизнеутверждающую и преобразующую силу. В сбережении культурных ценностей для потомков был смысл подвижнической жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В последние его годы нам посчастливилось часто с ним общаться. В переходный период, начиная со второй половины 80-х годов XX века и особенно после распада Советского Союза, острейшим образом проявилась проблема защиты культурных ценностей – памятников, объектов, явлений, традиций и самих носителей культуры, творческих личностей: ученых, художников, писателей, музыкантов, учителей... Испытания, которые обрушились на всю культуру, и науку в частности, побудили интеллигенцию к объединению, к выработке законодательной и моральной опоры в борьбе за сохранение ценностей, создававшихся многими поколениями творцов. В те годы Дмитрий Сергеевич стал выразителем и объединителем тех немногих личностей и организаций, которые, осознав губительность для будущей жизни разрушения культуры, провозгласили: «Если не мы, то кто?».

С 1986 по 1993 гг. он избирается Председателем правления Советского (с 1991 – Российского) фонда культуры, защищая отечественную культуру от небрежения, разрушений, невежественных посягательств и произвола чиновников.

Создание Д.С. Лихачевым в 1995 г. «Декларации прав культуры» и первые шаги, сделанные в Санкт-Петербурге для ее реализации, вселяли определенные надежды, давали опору тем, кто был готов отстаивать и охранять духовные ценности, которыми располагает Россия.

Знаменательно, что движение в защиту памятников истории и культуры зародилось в Санкт-Петербурге еще в 1904 году, когда наш великий соотечественник, академик Н.К. Рерих, высказал мысль об охране культурных ценностей человечества, сделав доклад на эту тему в Обществе архитекторов Санкт-Петербурга. Рериху понадобилось еще четверть века, чтобы увидеть наконец опу-

ликованными в нью-йоркской прессе принципы его знаменитого Пакта Культуры, проработанные в соответствии с законами международного права. Позже, в 1935 г., «Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» (Пакт Рериха) был подписан представителями 21 страны в Вашингтоне, а в 1954 г. он лег в основу Гаагской Конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», принятой большинством стран мира.

То, что мысли о необходимости защиты культурных ценностей, выраженные в «Декларации прав культуры» Д.С. Лихачева, возродились в нашей стране в канун третьего тысячелетия, в период грандиозных изменений в жизни нашего общества, является закономерным. Вероятно, в России наиболее глубоко чувствуются общечеловеческие проблемы, возникшие в связи с опасностью утраты основных духовных ценностей и достижений человеческого гения, накопленные культурой.

Первоначальный текст «Декларации прав культуры» похож на размышления вслух, обращенные ко всем, кто не утратил ощущения сопричастности истории и священное чувство прекрасного, кто способен, откликнувшись на призыв умудренного опытом человека, встать на защиту культуры не менее ярко, чем бороться за право на саму жизнь. Вместе с тем перед нами плод многолетних раздумий ученого, связавшего свою судьбу с судьбой России, прошедшего путем испытаний и лишений, глубоко знавшего и любившего культурные

истоки, питавшие великие корни святого древа российского самосознания. Дмитрий Сергеевич Лихачев олицетворял собой подвижника культуры, сражавшегося мыслью и словом, высоко несшего честь российского интеллигента.

Несмотря на разгул грубости и невежества, чему не раз в жизни был вынужден стать свидетелем, Дмитрий Сергеевич не утратил оптимизма и веры в творческие созидательные силы интеллигенции и всего народа. В написанной им «Декларации прав культуры» он провозгласил: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла»¹.

Д.С. Лихачев был причащен древнерусским духом мужества и былинной, суровой красоты, напевностью велеречивого языка эпических сказаний, исторических песен и обрядов, поэзией жизненной правды. Но его вдохновляло и пленительное очарование садов и парков, он умел слышать музыку архитектурных ансамблей, восторженно рассказывать о частных коллекциях и о маленьких провинциальных музеях, сопереживать судьбам библиотек. Его ум и душа были открыты новым впечатлениям. Без тени высокомерия и наиграннысти, с особой, ему свойственной интеллигентской бережностью и внимательностью он общался с самыми разными людьми, умея сперва слышать собеседника, а потом говорить самому. В этих уроках жизни черпал он внутренние силы для своей культурной деятельности.

¹ Декларация прав культуры (проект). СПб., 1995. С. 2.

При этом Дмитрий Сергеевич не идеализировал национальный характер русских. Вслед за Ф.М. Достоевским и Н.А. Бердяевым он писал о том, что русская культура, испытавшая множество влияний извне, полна внутренней свободы, но, «к несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в безвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов – интеллигенцию в целом»².

4 октября 1995 г. в Доме Ученых Санкт-Петербурга на пресс-конференцию «К вопросу о современном состоянии науки и культуры в России» собрались многие выдающиеся деятели культуры – ученые, писатели, работники искусств. На этой конференции был принят подготовленный нами «Манифест в защиту культуры»³, который, кроме Д.С. Лихачева, подписали такие известные в стране люди, как Ж.И. Алферов, М.К. Аникушин, Д.А. Гранин, Н.П. Бехтерева, М.Б. Пиотров-

ский, Л.А. Вербицкая, В.А. Гаврилин, Б.Ш. Окуджава, С.П. Капица, С.Н. Федоров и другие.

Дмитрий Сергеевич поделился с участниками встречи мыслями о Декларации прав культуры. В своем выступлении он обосновал острую необходимость создания такого документа и огласил основные принципы Декларации:

«Человек всегда будет разрушать, если он не знает конкретно, как построить мир справедливости, он весь мир насилем разрушит... Поэтому человеку необходимы знания, общая образованность, профессиональная сноровка. Это единственный способ приумножения добра в стране, превращения ЗЛОдеяния в ДОБРОдеяние. Добродействие должно противостоять злодейству. Природа, повторяю, не терпит пустоты. Культура же не терпит остановок в развитии.

И вот предлагаемая Декларация прав культуры именно на это и направлена. Она направлена на то, чтобы не просто сохранить накопленное человечеством, все знания, все памятники культуры, исторические памятники искусства и так далее, а чтобы сохранять традицию, рабочий на-

² Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 27.

³ Фурсей Г.Н., Рюмцев Е.И., Чирятов М.Н., при участии Лихачева Д.С. Наука и образование в общем контексте культуры как определяющий фактор устойчивого развития России. СПб., 1998. С. 143–147; см. также: Санкт-Петербургский университет. №9, 27 ноября, 1995. С. 1.

Почетные граждане Санкт-Петербурга скульптор М.К. Аникушин и академик Д.С. Лихачев в Доме ученых на третьей пресс-конференции «К вопросу о современном состоянии науки и культуры в России»

Выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР на пленуме правления Советского фонда культуры. Москва. 7 января 1989 г.

строй человечества, его желание делать добрые дела. Занятость мозга добром – вот на это и настроена Декларация прав культуры.

Это права культуры действенные, а не лежащие в музеях и в бездействующих библиотеках. Поэтому Декларация прав культуры имеет в виду не просто собрание культурных памятников, которые необходимо хранить, она имеет в виду научные традиции, традиции в области искусства, традиции в области ДОБРОдеяния, в области нравственности и в области традиционных религий, которые тоже представляют собой явления культуры. Культура гораздо шире, чем памятники культуры. Это инерция добра, которая наполняет собой все человечество.

Нельзя думать, что добро может где-то сосредоточиться, а где-то перестать существовать. Все человечество должно подчиниться единым законам нравственности, культурных традиций, единым законам обращения с памятниками культуры. Потому что каждому человеку нужны не только памятники его национальности, ему нужна античность, ему нужен ренессанс, ему нужна культура Египта, ему нужна культура ислама, буддизма, и, само собой разумеется, традиционная религия его страны. <...>

Надо помнить, что культуру следует понимать широко... Когда говорят о творческой интеллигенции и о культуре, обычно имеют в виду музыку,

исполнительское мастерство, театральное мастерство, но забывают, что культуре принадлежат и все науки. Это явления культуры, а не просто какой-то отдельной области. Так же точно, как явлениями культуры являются и традиционные религии»⁴.

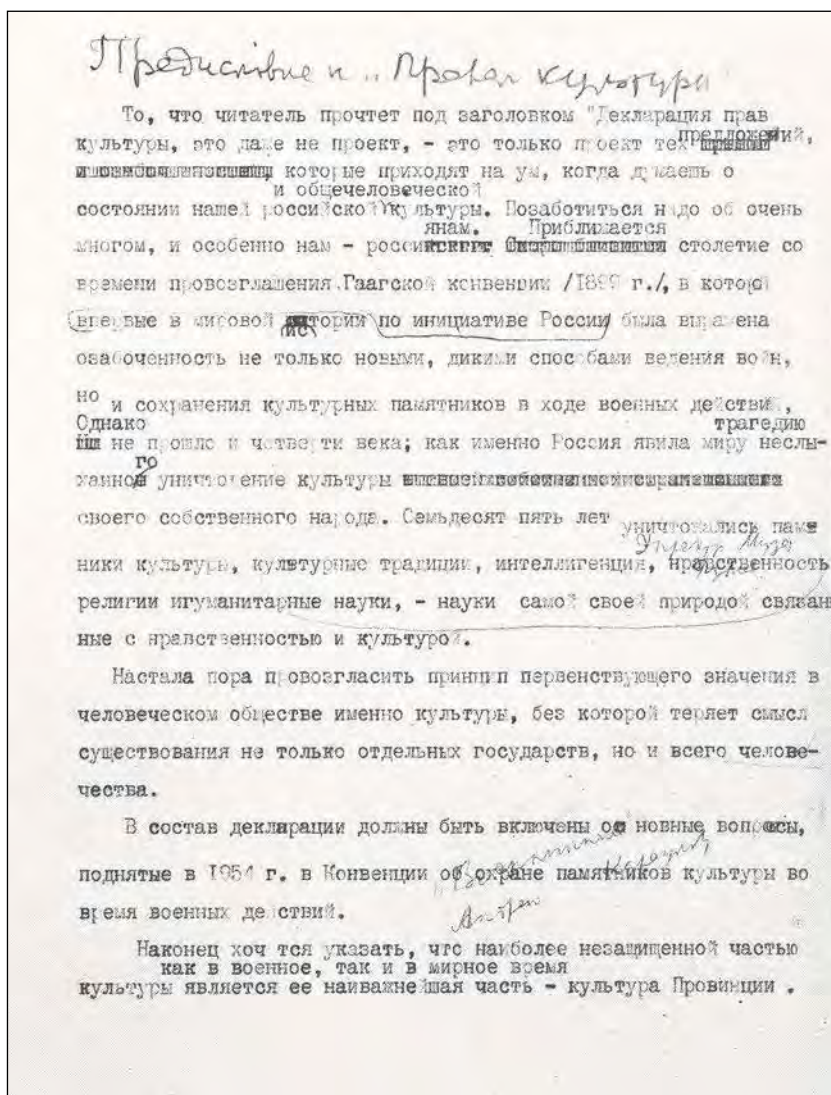
Надо отметить, что с Пактом Рериха и с высказанными Н.К. Рерихом мыслями об охране

Д.С. Лихачев и А.Н. Гумилев. Начало 1990-х гг.

культурных ценностей Декларацию прав культуры Д.С. Лихачева роднит забота о культурных памятниках не только во время военных действий,

⁴ Выступление Д.С. Лихачева 4 октября 1995 г. на третьей пресс-конференции «К вопросу о современном состоянии науки и культуры в России», организованной учеными и деятелями культуры. Санкт-Петербург, Дом Ученых им. Горького, «Дубовый Зал». Аудиозапись и ее печатный вариант сделаны Г.Р. Некрасовым, секретарем Санкт-Петербургского отделения Международной лиги защиты культуры. Авторская редакция от 31 января 1996. Архив СПб. МЛЗК. Авторы благодарят Г.Р. Некрасова за любезно предоставленные им стенограммы выступлений Д.С. Лихачева, аудиозаписи и фотографии.

Д.С.Лихачев. Предисловие к статье «Права культуры». Автограф. 1996

но и в мирное время, когда необходима их своевременная защита «от невежественных частных собственников и от государства в тех случаях, когда государство готово пожертвовать своими культурными ценностями ради тех или иных политических или экономических выгод, не считаясь с волей создателей этих ценностей и пренебрегая интересами будущих поколений»⁵.

В «Обращении к рериховским организациям и культурной общественности», собранном в Москве 4 декабря 1995 г. для подготовки к созданию Международной Лиги защиты культуры, Д.С. Лихачев писал:

«Нашему народу сейчас особенно нужно обретение высших духовных ценностей и идеалов, без

которых немыслимо творческое созидательное строительство будущего. Только в святынях культуры источник животворных сил возрождения единого самосознания народа. Принадлежность будущему миру не определяется причастностью к той или иной политической партии или способностью поддержать какую-либо экономическую систему, не ограничивается занимаемым постом, социальным положением или исповедуемой религией. Общеизвестными критериями деградации или расцвета должны стать качества сознания человека, степень восприимчивости им Знания и Красоты, способность сердца любить Культуру, защищать ее достижения и трудиться во имя ее на общее благо. Без этого невозможно распознать лучшие, спасительные пути преобразования жизни.

Убежден, что приоритет нужно отдавать не государственным, а свободным общественным формам культуры, ибо они в меньшей степени подвержены влиянию узких ведомственных интересов. Любое государство обречено на упадок, если оно не заботится о сохранении высших духовных достижений многих поколений, если не созда-

ет условия для культурного воспитания народа на великих примерах героев и подвижников науки, искусства, религии.

Н.К. Рерих был подвижником культуры всемирного масштаба. Он поднял над планетой Знамя Мира, Знамя Культуры, тем самым указав человечеству восходящий путь совершенствования»⁶.

Международная Лига защиты культуры⁷ была учреждена в Москве в 1996 г. известными деятелями культуры - учеными, художниками, учителями, работниками музеев, библиотек, авторитетными общественными и религиозными организациями.

Д.С. Лихачев и многие выдающиеся ученые и деятели культуры поддержали инициативу Меж-

⁵ Вариант проекта «Декларации прав культуры», подписанный Д.С. Лихачевым 28.01.1999. Архив СПб. МЛЗК.

⁶ Лихачев Д.С. Обращение к рериховским организациям и культурной общественности. 1 декабря 1995 г. Архив СПб. МЛЗК.

⁷ Отделения Международной Лиги защиты культуры и связанные с ней организации сегодня существуют в десятках городов России и других стран.

дународного Центра Рерихов создать специальную организацию, призванную защищать культуру и отстаивать идеи Декларации прав культуры, продолжая дело основанной Н.К. Рерихом в 1931 г. Всемирной Лиги Культуры. Эта довоенная организация возникла с целью воплощения в жизнь идей охраны культурных ценностей (художественных и научных учреждений и исторических памятников), отраженных в Пакте Рериха и его охранительном символе – Знамени Мира, которое Рерих называл Красным Крестом Культуры. Д.С. Лихачев согласился быть Почетным членом Исполкома Лиги защиты культуры и поддержал кандидатуру академика РАН Б.В. Раушенбаха на пост Почетного президента Лиги. В последующие годы Д.С. Лихачев часто обращался от имени Лиги к Президенту России, министрам, другим официальным лицам и в разные инстанции, защищая культуру. Через два года после начала работы Лиги он сказал: «Желаю вам полного успеха в вашей инициативе. Мне кажется, что сама идея Международной Лиги защиты культуры очень удачна. Декларация прав культуры еще не говорит о путях, которыми нужно защищать культуру, каким образом оправдывать права культуры. Вот Лига защиты культуры, мне кажется, отвечает на этот вопрос. Желаю вам полного, полного успеха, так же как и всем нам»⁸.

В простых и убедительных словах Дмитрия Сергеевича, чему бы они не были посвящены, всегда сквозила масштабность его личности, его человечность. Его слова и призывы были действительны, так как за ними стояли опыт и правда жизни.

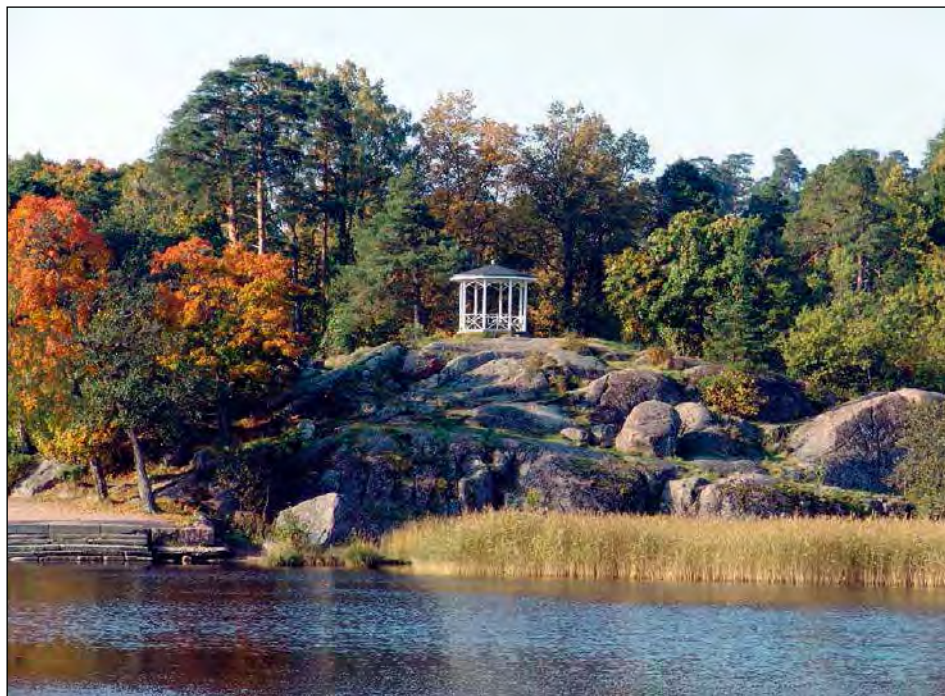
Хорошо зная и любя исторические и культурные особенности и достопримечательности многих уголков России, он все же был истинным петербуржцем. Даже во время войны, в 1941–1942 гг. Дмитрий Сергеевич замечал красоту любимого города. До последних дней жизни он остро реагировал на любое проявление варварства и невежества по отношению к его архитектурным памятникам, памятным местам, садам и паркам. Ему предлагали квартиру на Васильевском острове в знаменитом академическом доме, но он выбрал окраину города, более зеленый район. Окна столовой его квартиры выходили на парк Сосновку, а из ка-

бинета был виден парк лесотехнической академии, где ему нравилось гулять. Бережное внимание к красоте природы побудило его на градостроительном Совете встать на защиту старых деревьев Царскосельского парка, которые собирались вырубать. Деревья были для Дмитрия Сергеевича свидетелями важных страниц истории России. Ландшафтные архитекторы упрекали его в некомпетентности. Ответом на это стало издание книги «Поэзия садов».

Петербург и его предместья, по мнению Д.С. Лихачева, не нуждаются в большом количестве новых монументов. Более важное дело – сберечь разрушающиеся ансамбли и сады. Именно по его инициативе уникальный скальный парк и Выборгский дворец Монрепо стали музеем-заповедником, памятником федерального значения.

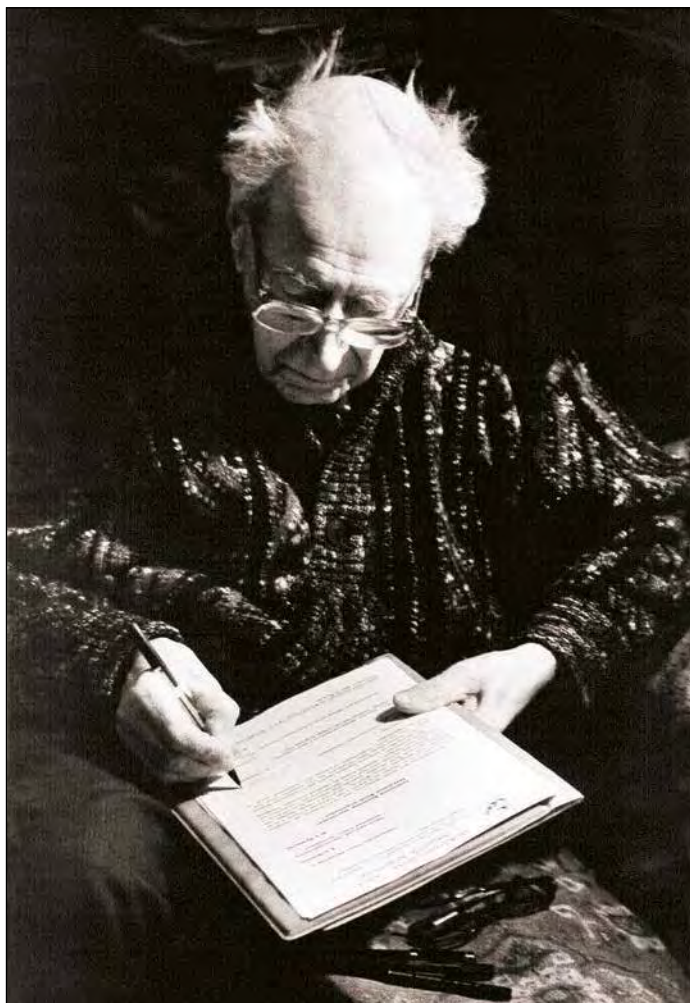
В 1986 г. он поддержал общественное молодежное движение – группу «Спасение», борющуюся за судьбу Дома Дельвига, который хотели снести во время строительства станции метро «Достоевская» на Владимирской площади. Позже, в начале 90-х годов, в обращении к президенту России он активно отстаивал и отстоял дом Г.Р. Державина, где общественность предлагала создать литературный музей, а власти хотели дом и приусадебную парковую часть отдать под строительство технопарка.

Именно с домом Г.Р. Державина на набережной реки Фонтанки связано начало проведения в 1990 г. первой в истории культурной программы «Космос–Человек–Культура», осуществленной под Знаменем Мира в космическом пространстве

Скальный парк усадьбы Монрепо

⁸ Лихачев Д.С. Аудиозапись Г.Р. Некрасова, 31 января 1998 г. Архив СПб. МЛЗК.

*Д.С. Лихачев подписывает документы
Международной Лиги защиты культуры*

на борту орбитальной станции Мир командиром экипажа А. Соловьевым и летчиком-космонавтом А. Баландиным⁹. В знаменитом доме собиралась исследовательская группа, состоящая из сотрудников разных организаций (Госуниверситета, Пушкинского Дома, Комиссии по разработке научного и культурного наследия Н.К. Рериха при научном Совете по космическим исследованиям АН СССР, Совета по экологии культуры Ленинградского отделения Советского Фонда культуры и др.), объединенных Государственным Интерьерным театром. Для работы космонавтов готовились культурно-исторический календарь, видео- и аудиоматериалы по важнейшим событиям истории и культуры, выставки на орбите, а во время полета – в день рождения города состоялась прямая телемост. Когда космонавты были уже на предстартовом карантине, организаторы программы совместно с коллегами экипажа встрети-

лись в Москве со Святославом Николаевичем Рерихом и Девикой Рани, ознакомили их с программой и получили благое напутствие. Содействие программе тогда оказал и Д.С. Лихачев, обратившись к руководству космических полетов с просьбой разрешить первый культурный эксперимент в Космосе, что для традиционно технических исследовательских космических программ было неожиданностью. Так при поддержке С.Н. Рериха и Д.С. Лихачева впервые на борт орбитальной станции «Мир» в 1990 г. было поднято и побывало в открытом космосе, совершив 144 витка вокруг Земли, Знамя Мира – знак охраны культурных достижений человечества.

Сейчас в доме на Фонтанке образован Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени, являющийся филиалом Всероссийского Музея имени А.С. Пушкина.

Надо отметить, что Д.С. Лихачев охотно помогал общественным и молодежным движениям, поддерживал многие культурные инициативы. Он ценил эту особенную черту петербургской культуры: «Я думаю, впрочем, что это черта русской интеллигенции в целом. Она характерна и для Москвы, и для провинции. Но она настолько важна, особенно для нашего грядущего возрождения, в которое я верю, что обойти ее, говоря о культуре Петербурга, никак нельзя. Это обилие общественных и полублагодетельских, полугосударственных объединений, в которых собиралась мыслящая часть общества. Ученые, художники, артисты, музыканты и т.д. Благодаря этим неофициальным обществам люди, получившие высшее образование, не чувствовали себя по окончании вузов оторванными от культурной, научной и художественной жизни. Где бы, на какой бы работе, в какой бы местности они не находились, они всегда объединялись в различные общества»¹⁰.

Будучи убежденным в приоритете общественных организаций над государственными в деле культурного возрождения, Д.С. Лихачев открыто высказывал свою позицию Президенту России Б.Н. Ельцину, например, когда писал ему о необходимости защитить от государственных посягательств наследие семьи Рерихов, переданное С.Н. Рерихом созданной им общественной организации – Международному Центру Рерихов.

Продолжая тему петербургской традиции, объединявшей свободомыслящую часть общества,

⁹ См.: Баландин А.Н., Чирятьев М.Н., Беляк Н.В., Лебедев Г.С. Знамя Мира в Космосе. В сб.: Защитим Культуру. Материалы международной общественно-научной конференции, посвященной 60-летию Пакта Рериха, 1995. М., 1996. С. 185–191.

¹⁰ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 549.

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Б. Н. ЕЛЬЦИНУ

Уважаемый Борис Николаевич!

Прошу Вас поддержать волю Святослава Николаевича Рериха, передавшего творческое наследие семьи Рерихов Международному Центру Рерихов в лице его вице-президента Л. В. Шапошниковой.

Полностью солидарен с принципиальной позицией Рерихов о необходимости развития новых общественных форм сохранения и использования культурного наследия.

Считаю несостоятельными посягательства Министерства Культуры или других ведомств и организаций на законные права Международного Центра Рерихов, ведущего очень необходимую многим странам культурно-просветительскую и научную работу.

Прошу Вас отменить скороспелое постановление Правительства N 1121 от 4 ноября 1993г. о передаче усадьбы Лопухиных, арендуемой МЦР, Музею искусств народов Востока. Этот особняк выбрал для МЦР (тогда еще Советского фонда Рерихов) С. Н. Рерих в 1990 году, по согласованию с Правительством, для создания общественного Музея Н. К. Рериха, в коллекцию которого он целенаправленно передал наследие родителей.

Нельзя допустить, чтобы нарушение воли С. Н. Рериха, провоцируемое определенными кругами в России и Индии, привело к трагическим необратимым последствиям для мировой культуры.

Примите пожелания успеха в деле сохранения и приумножения духовного богатства нашей Родины!

Д. С. Лихачев
Академик Д. С. Лихачев

Санкт-Петербург
"10" ноября 1993 г.

*Глубокоуважаемый Борис Николаевич,
Я глубоко убежден: культура Балтика
был в общественном ведении в первую
очередь, и во вторую очередь - в ведении
государства, не следует разрушать
общественную инициативу фонда
Рерихов.*

Дмитрий Лихачев

Спасибо за внимание к моим письмам

Отец Д.С. Лихачева С.М. Лихачев. 1918

уместно вспомнить, что характер и личность самого Дмитрия Сергеевича формировались в испытаниях уходящей эпохи, атмосфера которой глубоко запала в его душу. Дмитрий Сергеевич вспоминал о своей семье и годах учебы:

«Мой отец был инженер-электрик, добившийся высшего электротехнического образования только благодаря своей энергии и работоспособности. Уже в старших классах реального училища он зарабатывал себе на жизнь репетиторством, а в студенческие годы – и преподаванием в реальном училище Шкловского – отца известного литературоведа В.Б. Шкловского.

Известную роль сыграло для меня увлечение моих родителей мариинским балетом, а затем озорная и увлекательная атмосфера артистической молодежи в дешевой дачной местности под Петербургом – Куоккале. Имена многих знаменитых художников, актеров, писателей, живших в Куоккале или только посещавших ее, были для меня живыми и повседневными.

Многим в своем воспитании я обязан школам, в которых учился. В старшем приготовительном я учился в Гимназии Человеколюбивого общества на Крюковом канале. <...> В 1915 г. я поступил в Гимназию и реальное училище К.И. Мая на

14-й линии Васильевского острова. К этому времени мой отец получил в заведование электрическую станцию при Главном управлении почт и телеграфов и казенную квартиру при этой станции. День и ночь квартира наша содрогалась от действия паровой машины. Сейчас этой станции и в помине нет. Двор пустой, нет и нашей квартиры. <...> В училище Мая мне надо было ездить на трамвае, но пробиться в трамвай было чрезвычайно трудно: площадки были забиты солдатами (“нижними чинами”, как их называли). Им разрешалось ездить бесплатно, но только на площадках вагонов. Жили мы рядом с Конногвардейским бульваром, и я наслаждался тогда вербными базарами, где можно было потолкаться около букинистических ларьков, купить народные игрушки и игрушки специально вербные (вроде “американских жителей”, чертей на булавках для прикалывания к пальто, акробатов на трапециях, “тещиных языков” и пр.) и полакомиться вербными кушаньями.

Вербная неделя была лучшей неделей для детей в старом Петрограде, и именно здесь можно было почувствовать народное веселье и красоту народного искусства, привозимого сюда из всего Заонежья.

В.С. Лихачева с сыновьями Михаилом и Дмитрием в Крыму. Июнь 1912 г.

Семейный обед в саду на даче в Куоккале. Крайний слева – Д.С. Лихачев. 1909

Ведь Петербург – Петроград не только стоял лицом к Европе, что ощущалось прежде всего в его пестром населении (немцы, французы, англичане, шведы, финны, эстонцы наполняли собой и школу К.И. Мая), но за его спиной находился весь Русский Север с его фольклором, народным искусством, народной архитектурой, с поездками по рекам и озерам, близостью к Новгороду, и пр., и пр.

О Гимназии и реальном училище К.И. Мая написано много. <...> Не буду повторять всего того хорошего, что о ней уже сообщалось; отмечу только, что школа эта сыграла большую роль в моей жизни. Я чувствовал себя там прекрасно и, если бы не трудности дороги, не мог бы и желать лучшего. <...> Школа К.И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал, мировоззренческий опыт. Класс был разношерстный. Учился и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и сын швейцара. Преподаватели тоже были разные. Старый майский преподаватель Михаил Григорьевич Горо-

хов обучал нас два года перспективе почти как точной науке; преподаватель географии изумительно рассказывал о своих путешествиях и по России, и за границей, демонстрируя диапозитивы; библиотекарь умела порекомендовать каждому свое. Я вспоминаю те несколько лет, которые я провел у Мая, с великой благодарностью. Даже почтенный швейцар, который приветствовал нас по-немецки, а прощался по-итальянски, учил нас

Санкт-Петербургская гимназия и реальное училище К.И. Мая. 1910

Жилой дом для высших служащих типографии на Ораниенбаумской ул., 27

вежливости собственным примером, – как много все это значило для нас, мальчиков! <...>

Отец был искренне рад и горд, когда рабочие электрической станции в Первой государственной типографии (теперь это Печатный Двор) выбрали его своим заведующим. Мы переехали с Новоисаакиевской в центре Петрограда на казенную квартиру при типографии на Петроградской стороне. Это была осень 1917 г. События Октябрьской революции оказались как-то в стороне от меня. Я их плохо помню. <...>

Типография имела большой театральный зал, где для рабочих и служащих выступали лучшие певцы и актеры города, и даже однажды происходил публичный диспут на тему “есть бог или нет” между А.В. Луначарским и обновленческим митрополитом Александром Введенским... Помню парадоксы того времени: толпа верующих после диспута хотела побить именно митрополита, и отец по просьбе начальства спасал его через нашу квартиру, выведя его на другую улицу через наш черный ход.

Жизнь в типографии многому меня научила, многое раскрыла, объяснила. Но, может быть, не последнюю роль сыграло и то, что на некоторое время отец получил на хранение библиотеку директора ОГИЗа – небезызвестного в тогдашних литературных кругах Ильи Ионовича Ионова. В его библиотеке были эльзевирьы, альдины, редчайшие издания XVIII в., собрания альманахов, дворянские альбомы, Библия Пискаatora, роскошнейшие юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской

бумаге, рукописное “Путешествие из Петербурга в Москву” Радищева, книги из библиотеки Феофана Прокоповича, множество книг с автографами современных писателей (запомнились письма-надписи на сборниках стихов С. Есенина, А. Ремизова, А.Н. Толстого и т. д.). <...>

Первое время после переезда в казенную квартиру на Петроградской стороне я продолжал учиться в школе Мая. В ней я пережил самые первые реформы школы... <...> Но ездить в школу в переполненных трамваях стало совершенно невозможно, ходить пешком – еще труднее, так как затруднения в тогдашнем Петрограде с едой были страшными. Меня перевели поблизости в школу имени Лентовской на Плуталовой улице. И снова я попал в замечательное училище. Сравнительно со школой Мая “Лентовка” была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась спустя несколько лет после революции 1905 г. из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральная антрепренер Лентовская,

10-я единая трудовая школа имени А.Д. Лентовской, ныне школа №47 имени Д.С. Лихачева (ул. Плуталова, 24)

дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей левонастроенные интеллигенты. <...>

Наиболее важный и в то же время наиболее трудный для своей характеристики период в формировании моих научных интересов – конечно, университетский.

Я поступил в Ленинградский университет несколько раньше положенного возраста: мне не было еще 17-ти лет. Не хватало нескольких меся-

Группа студентов Университета во главе с профессором С.К. Боянусом. Слева направо, 1-й ряд: Яницкая, Иванова, С.К. Боянус, И.А. Бухтеева (Щерба), А.М. Махова. 2-й ряд: Чернов, Благовещенский, Буткевич, Покровский, Д. Лихачев.

цев. Поступить в университет было трудно. <...> Я поступил на Факультет общественных наук. Состав студентов был не менее пестрый, чем состав “условных профессоров”: были пришедшие из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, донашивавшие свое военное обмундирование. Были “вечные студенты” – работавшие и учившиеся по десять лет, были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках... <...>

Я окончил университет в 1928 г., написав две дипломные работы: одну о Шекспире в России в конце XVIII – самом начале XIX в., другую – о повестях о патриархе Никоне¹¹.

Свободомыслящая образованная молодежь, которая в значительной степени состояла из так называемых «бывших», то есть из дворянского сословия, представляла определенную угрозу власти диктатуры пролетариата и укрепляющегося тоталитаризма. Во второй половине 20-х годов, когда политическая оппозиция в стране была сломлена и сложились условия для начала коллективизации, власти необходимо

было обеспечить идеологическую однородность. К этому времени был нанесен удар по всплеску духовной активности интеллигенции, выражавшейся в деятельности различных кружков, названия которых уже говорят о многом.

Были разгромлены в 1925–1926 гг. скауты, возникли дела «Мироведов» и «Ордена Грааля» (или его еще называли «Братство Грааля») и многих других. Среди них было дело о кружке «Хельфернак», из которого возникло «Братство Серафима Саровского». Об этом кружке Дмитрий Сергеевич рассказывает:

«Основал его преподаватель Лентовской гимназии Андриевский. Он окончил Сорбонну, вышел он очень образованным человеком. Он был психиатр, литературовед, философ, а кроме того, здесь были очень дешевые книги, потому что людям надо было жить, главным образом интеллигенции нечем было совершенно расплачиваться за хлеб, который они получали по карточкам, поэтому книжный рынок был переполнен, можно было купить и всякие редкости и составить себе хорошую библиотеку. Он составил себе хорошую библиотеку из книг, нужных действительно ему, менял их на соль, в соли тогда очень нуж-

¹¹ Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Т. 1: О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы. Монография. Л., 1987. С. 4–14.

И.М. Андриевский

дались люди, и спички. И к нему можно было всегда зайти и взять нужную книгу с полки, даже если его не было, но обязательно, такой крючок был с острым концом, накинуть на него бумажку с надписью, что такую-то книгу взял такой-то и обязуется вернуть тогда-то. Если не возвра-

Дом, где жил И.М. Андриевский (ул. Блохина, 12)

шал, тогда был такой запрет брать книги. Никакой политической окраски в тех докладах, которые делались, не было, поэтому и называлось это «Хельфернак», то есть художественно-философско-религиозно-литературная [и научная] академия. Все академии называют себя и сейчас тоже. Входил туда и знаменитый исследователь Достоевского Бахтин. Но Бахтин, в отличие от других, молчал, поэтому, даже когда арестовали весь кружок, его не арестовали, потому что не знали, что он участвовал. И только после того, как появилась вторая статья по поводу нашего кружка, он почувствовал, что над ним нависла опасность, и уехал¹². М.М. Бахтин, которого арестовали в конце 1928 г., еще раньше сформулировал происходящее: «Ну вот, кончилось время диалога, наступило время монолога». Время монолога – потому что в 1927 году пришел к власти Сталин.

А в кружках, в некоторой стороне от политики, еще продолжались диспуты, обмена мнениями, кипела творческая мысль, но публикации уже вовсю сворачивались. Д.С. Лихачев посещал целый ряд таких кружков, как, например, «Космическая академия наук», «Обдем» («Общество любителей греческой философии»), «Осьминог» (литературный кружок), общество «Воскресенье» (философско-религиозное общество, основанное в конце 1917 г. сотрудниками Публичной библиотеки на квартире философа Г.П. Федотова).

Надо отметить, что общество «Воскресенье», отличавшееся большей широтой взглядов, по идейным подходам приближалось к левому крылу Религиозно-философского общества Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.П. Свенцицкого. Руководителем общества после отъезда Г.П. Федотова в 1925 г. за границу стал религиозный философ Александр Александрович Мейер. Посещали общество более взрослые люди, среди которых были такие знаменитости, как Н.П. Анциферов, Л.А. Орбели, К.С. Петров-Водкин, Л.А. Бруни, М.В. Юдина, И.М. Гревс. Входили в общество представители разных вероисповеданий. На его заседаниях обсуждались вопросы судьбы России, темы любви, творчества, искусства, труда, борьбы и религиозных идеалов, ведущих к Братству людей. Д.С. Лихачев называл А.А. Мейера, которого близко знал, «колоссальной человеческой личностью». Аресты начались в декабре 1928 г., по делу «Воскресенья» проходило около 70 человек¹³. С этим обществом было связано, по мень-

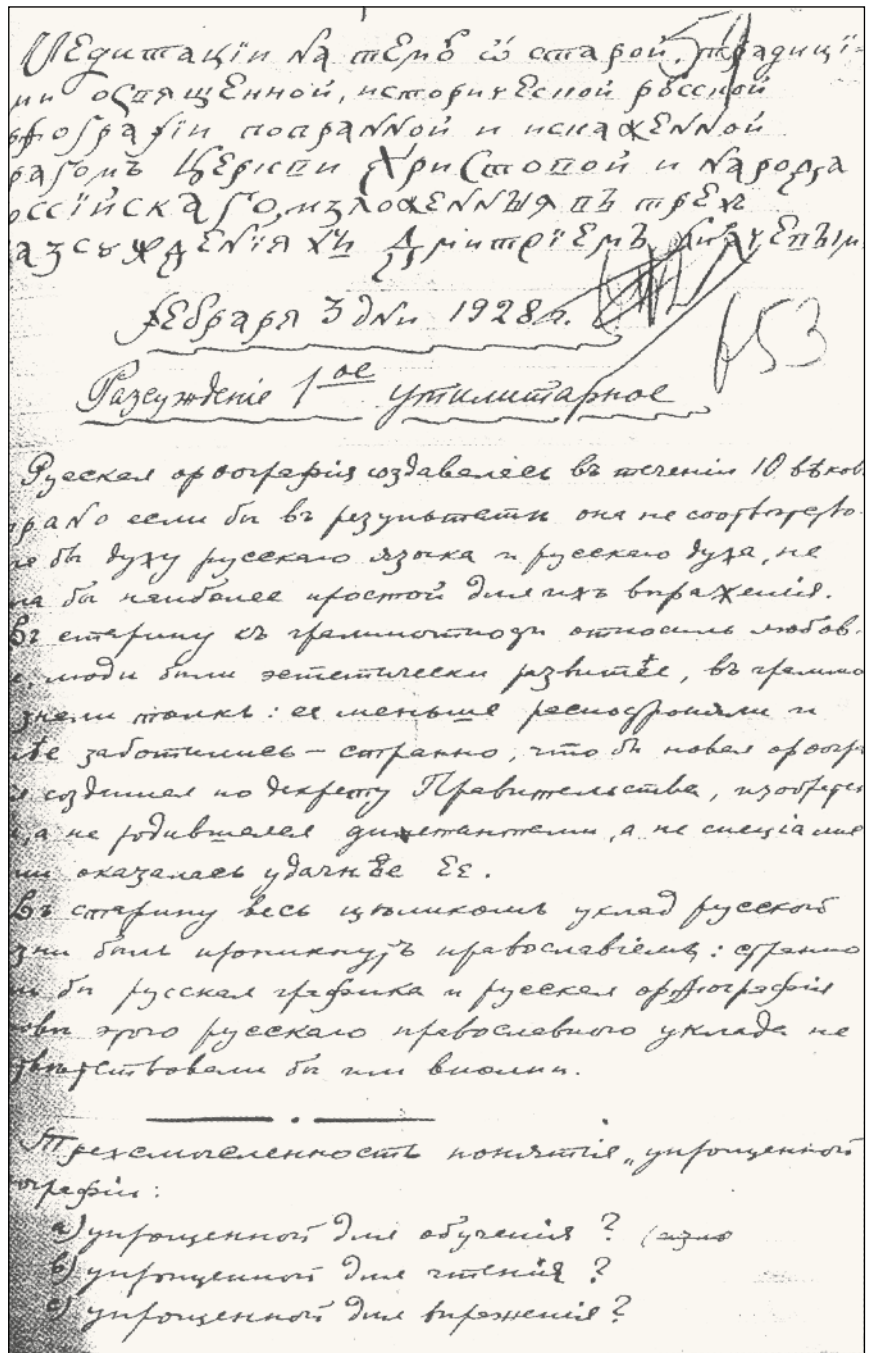
¹² Программа «Поверх барьеров», радио «Свобода». Памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. <http://www.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBT.05.asp>

¹³ Среди арестованных по этому делу была Вера Герман – мать одного из авторов этой статьи Г.Н. Фурсея.

шей мере, еще 5 кружков, члены которых были репрессированы. Дело «Воскресенья» было прямым следствием ранее начатого дела «Братства Серафима Саровского», руководимого И.М. Андриевским. Многие люди, в том числе и А.А. Мейер, которые проходили по делу «Воскресенья», потом были из лагеря привезены на переследствие по начавшемуся новому крупному делу «Академии наук».

Все эти процессы были определено направлены на разгром самостоятельно мыслящей части интеллигенции. Д.С. Лихачев пострадал за участие в «Космической академии наук». Вот как он об этом вспоминает:

«Это кружок, который образовался в Институте гражданских инженеров. Нас было всего 8 человек. Это Аркаша Селиванов, очень славный, веселый человек, потом Сперанский, брат главного архитектора Петербурга, потом был преподаватель химии, он самый старший из нас был, ему было 33 года, но он был такой восторженный человек, которого тянуло к молодежи, поэтому у него на его двух квартирах были конференц-залы. Мы создали себе гимн, это перевод «Гаудеамуса» с латинского на древнегреческий. Доклады все носили шутливый характер, надо было придумать экстравагантный доклад, по этому экстравагантному докладу и принимали, собственно, в «Космическую академию наук», и, кроме того, различные обряды, церемонии и так далее вот такого необычного карнавального характера. Потом походы летом, и, кстати сказать, меня родители не пускали, я не мог отправиться [туда], но поощряли то, что я ходил в этот кружок. Потому что я сидел обычно очень много дома и мало общался с товарищами, потому что наша квартира была в Печатном дворе и туда не пускали просто так, поэтому товарищи ко мне не могли прийти. У меня, собственно, товарищей было мало, толь-

Страница из доклада по орфографии, сделанного в студенческом кружке «Космическая Академия наук» (из следственного дела Д.С. Лихачева). Ленинград, 1928

ко тот, кто сидел со мной за партой, это беспокоило отца и мать. Правда, у нас в квартире было интересно, потому что было много книг, несколько тысяч было, редчайших, там были и эльзевиров, и дворянские альбомы, и китайские рукописи, чего там только не было. Поэтому я, не общаясь ни с кем, жил в этой квартире, полной редчайших книг, и все время разбирал их. Но, тем не менее, отец меня выгонял, потом он очень страдал и жался, что он, собственно, меня подвел под арест, очень ругал Андриевского. Потому что Андри-

АНКЕТА №

для арестованных и задержанных с зачислением за О. Г. П. У.
Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ: ОТВЕТЫ:

1-я часть (заполняется заключенным).

1) Фамилия	Лихачев
2) Имя и отчество	Дмитрий Сергеевич
3) Гражданин какого государства	Р. С. С. Ф.
4) Национальность	русский
5) Место рождения	Губ. Ленингр. уезд Ленингр. вол. Ленинград Ленинград
6) Возраст (год рождения)	21 лет; родился в марте месяце 1906г.
7) Образование: а) грамотен-ли	а) Да
б) какую школу окончил	б) окончил школу Фриберга
в) если не окончил, то с какой проц.	в) прошел школу

8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер).	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
1. отец	Ср. ижд. отец	Сергей Иванович	50	инженер. Ленинград	Ленинград
2. мать	Вера Васильевна	Вера Васильевна	46	дом. хоз.	Ленинград
3. брат	Сергей Сергеевич	Сергей Сергеевич	11	ученик в школе	Ленинград

учился и окончил школу в Ленинграде (1924) и работал в конторе завода. Как и я не принадлежал к партии и в Коммунистической академии кафедры по металлургической физике. Во все время в Ленинграде и прочее два слова емши: по поводу Мотомов на русском литературном языке (Мин-ин-хав) и Коммунистическая (Фриберга) (Ленинградская) ссылаясь на это попросило по поводу физиологической операции 40-х годов Ленинград. Все это во все время в Ленинграде в качестве на акцию завода. Книга Г. Форда «Мировое производство» (в Ленинграде) и Ленинградский производственный отдел литературы. Книга в которой мы находимся (только просмотрели), книгу не давал. Саша позвонил и сказал, в конторе не пробовал. Книгу Форда «Мировое производство» я давал у себя в Ленинграде Петру Павловичу, так он его записывал. Давать же эту книгу Сергееву какой-нибудь друг по этой книге в Коммунистической академии наук. Я не знал.

Д. Лихачев.

Допрашивал [подпись]

ПРОТОКОЛ №

произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО
Трипольской П. Вит. Со. Сурожини
по делу за № 195

вн. КИД допрошен в качестве показываю:

состав
Дмитрий Сергеевич 3. Возраст 21. (1906г.)
сын инженера Виты Павловича Мотомова
Уфаградская ул.
Ленинград, Ташкинский, 26 кв. 3-я
адресом студентом Ленинградского
института (конкурс 1924г.)
имеет: Колосов, Сосун Сергеевич, Милославский и
Степановна брат Корней-12, брат Михаил-12.
положение
ничего нет
Ленинградский
Совет Ленинград.
в Ленинграде
(архив)
места не удалось.

и усматривая наличие признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 58, 11 Уголовного Кодекса, что согласно ст. 91 Уголовно-Процессуального Кодекса, является достаточным основанием к началу предварительного расследования.

ПОСТАНОВИЛ:

Присутствуя к производству предварительного расследования по сему делу, о чем сообщить Губпрокурору и ОГПУ ПП ОГПУ в ЛВО.

Уполномоченный /Стромин/ [подпись]
СОГЛАСЕН: Начальник /Горьков/ Отдел [подпись]
УТВЕРЖДАЮ: Начальник /Супухин/ Отдел [подпись]

Копия настоящего постановления препровождена прокурору
192 г. за №

Уполномоченный /Стромин/

Анкета, протокол, объяснительная записка, постановление (из следственного дела Д.С. Лихачева). Ленинград. 1928

Д.С. Лихачев с родителями на Соловках. Весна 1929 г.

евский, пользуясь своими революционными старыми связями, получил столько же, сколько мы, дети, получили – по 5 лет, но он не выхлопотал нам скидки»¹⁴.

Из обвинительного заключения по делу «Братства Серафима Саровского», 1928-го года, 28-го апреля:

«Я, уполномоченный 4-го отделения ОГПУ Стромин, рассмотрев настоящее дело №195 по обвинению в создании нелегальных антисоветских организаций под названием «Братство преподобного Серафима Саровского» и «Космическая академия наук», нашел: в конце 27-го года в ОГПУ поступили сведения, что в Ленинграде существует нелегальная антисоветская организация под названием «Космическая академия наук», члены которой регулярно собираются на частных квартирах для обсуждения различных вопросов, в том числе вопросов политического характера. Из дополнительных сведений выяснилось следующее: «Космическая академия наук» (вкратце «КАН»), организованная в начале 26-го года, разбивается на 7 кафедр по православному богословию, православной апологетике, химии, естествознанию, психологии, лингвистике, истории философии. «Космическая академия наук» организована сначала из 7-ми человек (кабаллистическое число)

для изучения психологии и идеалистической философии, постепенно превратилась в кружок политический, обсуждающий вопросы, связанные с Февральской и Октябрьской революциями, действиями советского правительства, действиями органов ОГПУ (статистика расстрелов), антисемитизмом и так далее и склоняется к увеличению своего состава. С целью недопущения дальнейшего роста этого кружка в ночь на 8-е февраля сего года были арестованы следующие его члены: Розенберг Эдуард Карлович, Каллистов Дмитрий Павлович, Лихачев Дмитрий Сергеевич, Тереховко Анатолий Семенович, Раков Владимир Тихонович, Машков Федор Павлович, Сперанский Николай Евгеньевич, Розенберг Владимир Карлович, Селиванов Аркадий Васильевич, Тихонов Александр Михайлович, Бухштаб Борис Яковлевич, Жандров Николай Васильевич»¹⁵.

В обвинительном заключении по делу Д.С. Лихачева значилось, что в КАНе он сделал доклад о количестве расстрелянных по социальным слоям с 17-го года по 25-й, и там же приводятся все цифры.

Справка из следственного дела:

«Лихачев Дмитрий Сергеевич, 1906-го года рождения. Сын бывшего дворянина города Ленинграда. Активный участник «КАНа» («Косми-

¹⁴ Программа «Поверх барьеров» радио «Свобода». Памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. <http://www.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBT.05.asp>

¹⁵ Там же.

Д.С. Лихачев за пишущей машинкой. Март 1964 г.

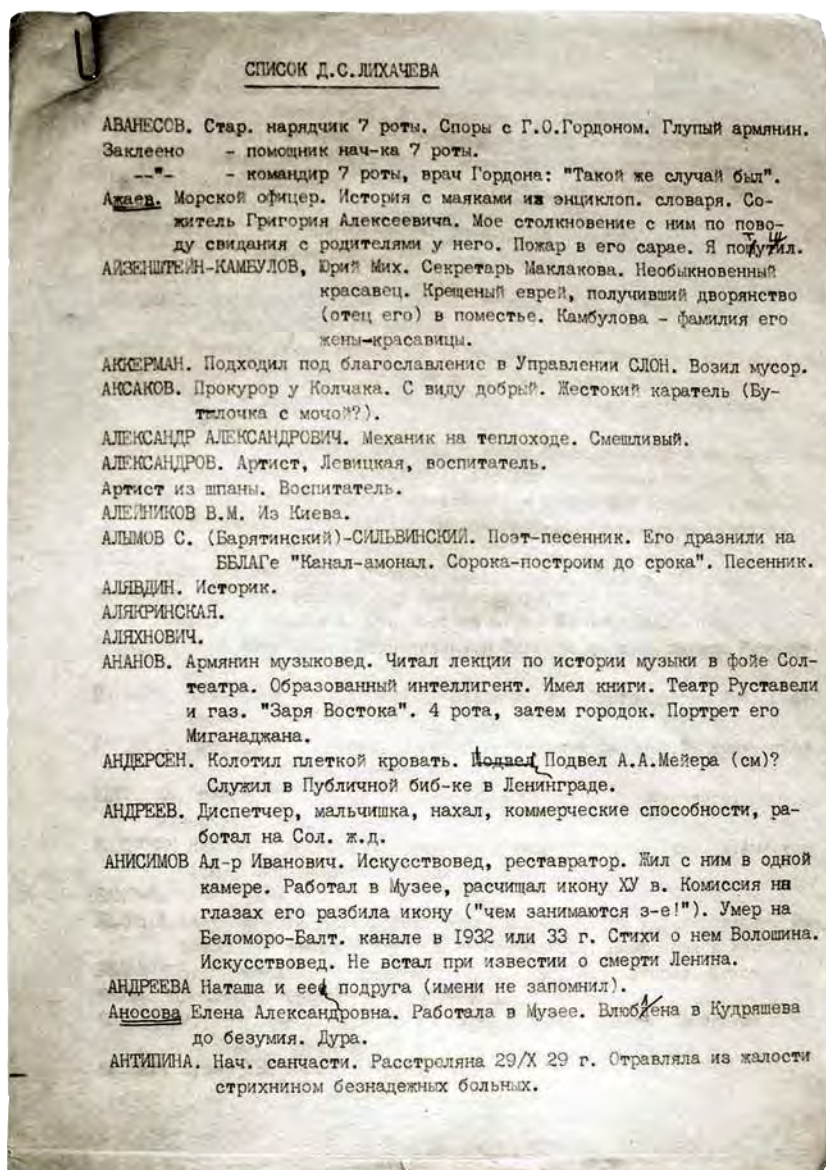
ческой академии наук”), был завербован в 1926-м году. Доставал материалы о мировом еврействе и о зверствах ОГПУ, делал доклады о православном значении старого правописания и об истории русской церкви. 8-го октября 1928-го года постановлением коллегии ОГПУ приговорен в концентрационный лагерь сроком на 5 лет. Во исполнение прежнего постановления Лихачев Д.С. лишен права проживания в 12-ти пунктах. Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов»¹⁶.

Дмитрий Сергеевич был самым молодым из проходивших по этому делу, и ему еще относительно везло:

«Надо сказать, что я почти не подвергался допросам, раза два. Первый раз было следующим обстоятельством: я сидел в камере, среди уголовников, тогда уголовники очень хорошо относились к контрреволюционерам, к интеллигенции. И когда меня вызвали на допрос, он [один из уголовников] сказал: “Теплее одевайся, обязательно теплее, надо в тепле быть”. И велел мне надеть шубу. С тех пор

я люблю тепло, кстати сказать. Вот я явился на допрос в шубе отцовской на беличем меху и сидел кутался. И следователь меня спрашивал: это что за маскарад, почему? Я сказал: а я болен, у меня инфлюэнца. Тогда грипп назывался инфлюэнцей. Оказалось, что следователь-то Стромин страшно боится заболеть гриппом. И поэтому на первом допросе только заполнили анкету и меня отправили назад в камеру. <...>

Унижение претерпевали все, все претерпевали ругань и физическое воздействие. Первое, что я получил, это удар сапогом по лицу, потому что я выходил из вагона, а конвоир стоял на площадке, он был недоволен, что я слишком медленно схожу вниз, и он ударил меня сапогом по лицу. Унижения всякие я испытывал вдоволь, но все это покрывалось

Список соловецких заключенных, составленный по памяти Д.С. Лихачевым. Начало 1990-х гг.

¹⁶ Программа «Поверх барьеров» радио «Свобода».

тем, что кругом меня была настоящая интеллигенция. Я лежал и просто на полу в больнице, когда у меня был сыпной тиф, лежал, собственно, извините, погруженный в свою и чужую мочу, потому что люди не могли вставать. Все это было ужасно. Но потом я оказался в человеческих условиях: комната меньше этой, нас было всего 6 человек, из них трое были кандидаты на престолы. Мы шутили, там был барон Дистерло, потом Осовский, связанный с Палеологами, и это была очень хорошая компания. Потому что я знакомился и с бытом, и с нравами того круга, к которому я не принадлежал, потому что отец мой был просто инженером из купеческого сословья. Это было только в эту пору, 28–32-й год. Тогда заключенные имели возможность воздействовать на начальство, иногда в хорошем смысле. <...>

Когда нас освободили, там произошла такая история. Те, кто получил 5 лет, они освободились как раз к сроку окончания канала, и Сталин распорядился всех строителей освобождать вчистую и разрешать им приехать в город. А те, кто получил 3 года, они освободились раньше, и они попали в ужасные условия, потому что их отправили в ссылку, и многие из них оказались потом расстрелянными. Потому что, скажем, в Архангельской губернии, там ссыльных потом собрали, гнали их по главной улице города и где-то расстреляли. Не знаю, существует ли их общая могила сейчас или нет. Собрали огромное количество людей, как мне рассказывали, я там не был. Поэтому три года оказывалось страшным сроком, а 5 лет оказалось удачей. И я был освобожден с правом проживания в городе»¹⁷.

Внучка Д.С. Лихачева, уже после смерти дедушки, нашла дома шкатулку с личными письмами, записками, с кошельком, который передали ему осенью 1928 г. родители и который был с ним в заключении на Соловках и на Медвежьей горе. Был там и английский словарь, отбывший с хозяином весь срок в печально известном СЛОНЕ (Соловецкий лагерь особого назначения). В деревянной резной шкатулке хранился и осколок снаряда, попавшего в здание Института русской литературы в 1941 году. Дмитрий Сергеевич сохранял эти предметы при многочисленных переездах военного и блокадного времени для своеобразного домашнего музея, свидетельствующего о мытарствах и страданиях русской интеллигенции первой половины XX века.

Отвечая на часто адресуемые ему вопросы об интеллигентности, Дмитрий Сергеевич старался

обращать особое внимание на суть этого понятия. В одном из публичных выступлений он сказал:

«Скупой может притвориться щедрым, злой человек может притвориться добряком, и т.д., и т.д., льстец может преподносить свою лесть под флагом правдивости и откровенности честной, эта тема обыграна в пьесах Шварца очень хорошо. Притвориться интеллигентным человеком нельзя, невозможно, вот почему интеллигентность вызывает такую злобу в неинтеллигентных людях»¹⁸.

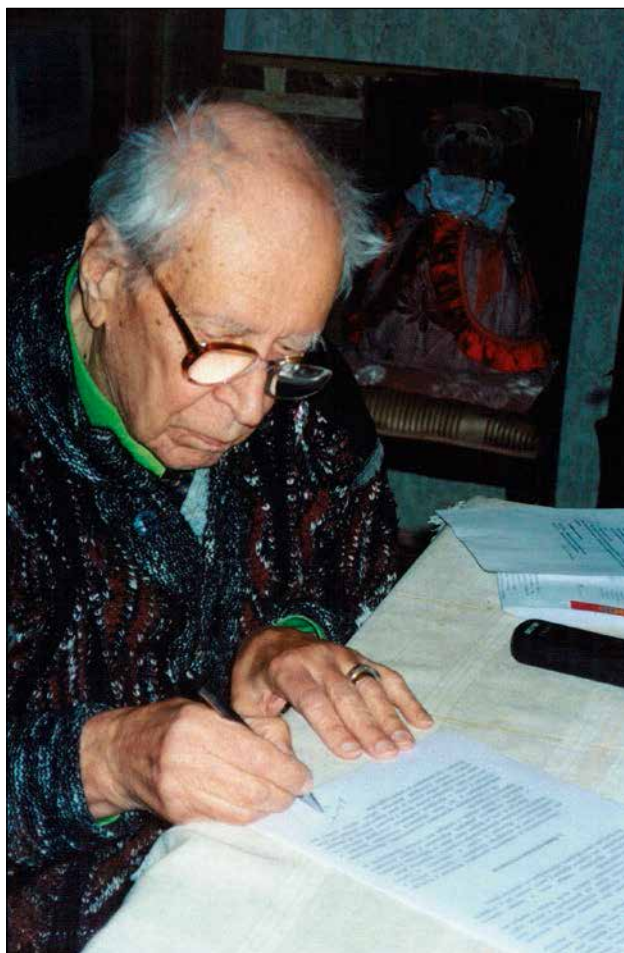
В конце 20-х годов в России начался новый период поляризации сил, противостоящих друг другу не только по мировоззрению, но, главное – по степени одухотворенности, по жизненной нравственной позиции. Мыслящая часть общества, которая в среде русской интеллигенции в начале века проявилась мощной культурной волной, достиг-

Д.С. Лихачев, одетый в тулуп из Соловецкого лагеря. 1990-е гг.

¹⁷ Программа «Поверх барьеров» радио «Свобода».

¹⁸ Лихачев Д.С. Выступление в концертном зале Останкино. Повтор записи на телеканале НТВ в день прощания с Д.С. Лихачевым. 03.10.1999.

Д.С. Лихачев подписывает Декларацию прав культуры. 28 января 1999 г.

нув апофеоза у космистов – музыкантов, философов, художников, ученых, – теперь была загнана в застенки или вынуждена эмигрировать. Университеты для многих из них продолжались в лагерях.

А.А. Мейера вначале приговорили к расстрелу, но в связи с возрастом и болезнями заменили срок на 5 лет Соловков. Дмитрий Сергеевич удивляется, что их взяли за то, что они стремились общаться, а в результате свели всех вместе на Соловках. Там они вели журнал, выступали с докладами, самообразовывались. То есть, объединившись на Соловках, они получили новую школу жизни. И эта школа жизни у многих из них еще больше утвердила осознание ведущего начала культуры в жизни общества.

Для тех, кто выжил, выдержал испытания лагерей, а потом страдания войны, не потеряв веру в человеческое достоинство и честь, особенно ценным стало содружество подлинных интеллигентов, творцов, созидателей и охранителей культуры. Именно такие люди поддерживали и взращивали «общую интеллигентность среды», в

которой могут воспитываться и процветать будущие поколения.

«Что такое общая интеллигентность среды – это разговор особый, – писал Д.С. Лихачев. – Коллективная психология, предполагающая свободу личности, коллективная нравственность, коллективное сверхмировоззрение, сближающее интеллигентных людей всего мира, коллективные умственные интересы, даже свободно меняющиеся моды на глубокие философские течения, понятия человеческой репутации, воспитанности, приличия, порядочности и многие другие, ныне полузабытые, – составляли содержание этой нравственной среды. В нравственной среде мировоззрение становилось естественным поведением в широком смысле»¹⁹.

Д.С. Лихачев остро чувствовал необходимость восстановления исторической справедливости, которая иногда требовала покаяния за прегрешения предков. 25 ноября 1997 года, когда в общественных, научных, религиозных и государственных кругах шла большая полемика о захоронении останков царской семьи, мы вместе с Д.С. Лихачевым направили от имени Лиги защиты культуры обращение к Президенту РФ, в котором аргументировалась важность принятия исторического решения о захоронении останков в Петропавловском Соборе, – в царской усыпальнице²⁰. Позже, 6 июля 1998 г. Дмитрий Сергеевич еще раз лично в письме, написанном от руки, обращается к Б.Н. Ельцину:

«Я долго думал, следует ли Вам присутствовать на похоронах царской семьи и тех, кто добровольно к ней присоединился. В итоге я пришел к твердому убеждению, что Вы должны быть на похоронах. Надо сказать Вам так, как вы прекрасно сказали не так давно матерям погибших солдат: “Простите нас”. Этим Вы подтвердите, что стоите во главе нации. Это подтвердит Ваш авторитет...»²¹ Дмитрий Сергеевич верил, что решение этого вопроса и публичное покаяние Президента поможет переоценить целый период русской истории. Приезд Президента был его личной заслугой.

Не только прошлое, но и настоящее, и будущее заботило Д.С. Лихачева. Залог лучшего будущего, связующую нить времен он видел в культуре. По большому счету, у Дмитрия Сергеевича было чувство постоянного присутствия Вечности в любом настоящем, поэтому он понимал и любил древнерусскую и классическую русскую литературу, многое прозревал в современности из того, что оказалось для большинства сокрытым.

¹⁹ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 122.

²⁰ Декларация прав культуры: Эскизы / Сост. Г.Н. Фурсей, Г.Р. Некрасов, М.Н. Чирятьев. СПб., 2006. С. 29–30.

²¹ Лихачев Д.С. Письмо Б.Н. Ельцину от 06.07.1998 (копия рукописи из материалов Д.С. Лихачева находится в ИРЛИ).

Тяжело переживая известия о разрушении музеев, библиотек, научных учреждений (можно вспомнить его реакцию на пожар в библиотеке Пулковской обсерватории, где были ценнейшие книги XVI века, и попытку захвата ее территории), о бедственном положении в образовании, нищенской жизни ученых, учителей и работников культуры, он настаивал на первоочередной необходимости защиты культуры государством и всем обществом. В своем обращении к участникам круглого стола «Конституция России и права культуры», проводимого Государственной Думой и Международной Лигой защиты культуры 9 декабря 1998 г., он писал:

«Мне неоднократно приходилось напоминать о том, что любое общество обречено на гибель, если разрушается его культура. Искусство, наука,

нравственные ценности – неотъемлемые составляющие общечеловеческой культуры, их уничтожение толкает народ на путь одичания и деградации, подрывает сам смысл существования. Никакие экономические программы и политические изощрения не возымеют успеха, если будут опираться на невежественного, полудикого, эгоистичного человека, лишённого духовных критериев и подлинных жизненных ценностей»²². Выход из этой ситуации он видел в проведении законодательных инициатив в области охраны культуры и широкой просветительской и воспитательной деятельности в обществе, в очищении информационного пространства от насилия, пошлости, безвкусыя...

Его заботила также этика научных исследований, девальвация которой может причинить непоправимый вред. В одном из публичных выступлений Дмитрий Сергеевич размышляет на эту тему:

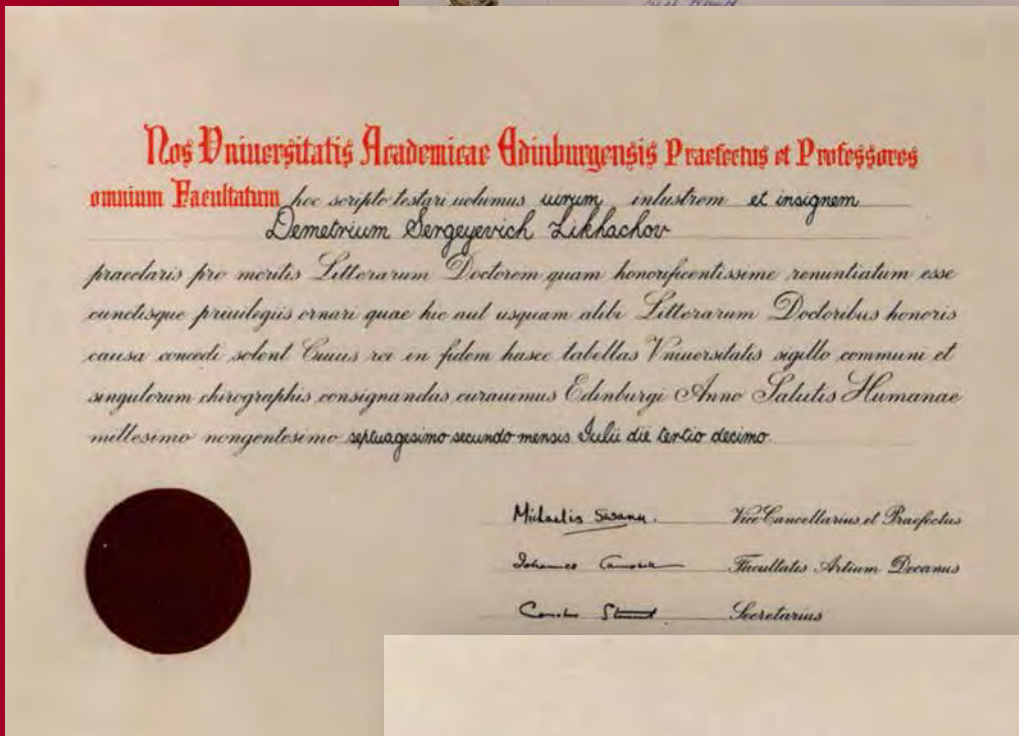
«Если наука занимает такое важное положение в нашей жизни, если все усложнилось, то встают вопросы этические. Эта область, которая требует каких-то новых, неизведанных ранее моральных норм. Этика научной работы, этика ученого, это вопрос первостепеннейшей важности. <...> Пример конкретный. Президиум Академии наук собрал совещание по вопросу поворота стока северных рек на юг. На совещании было около 60–70 человек. Состав приглашенных был тенденциозен, вот это уже первое нарушение этических норм. <...> Речь ведь идет о судьбе множества северных поселков, вообще о судьбе русского Севера. Ни археологи не были приглашены, ни искусствоведы, ни фольклористы, никто из представителей гуманитарных наук, защищающих интересы культуры, не были приглашены на совещание. Кроме этого, не было объяснено, зачем вообще этот поворот рек нужен. Повышение уровня Каспия? Но Каспий так повысился за последние годы, что дальше его повышать уже не следует, это за оптимальные размеры выходит. <...> Повышать еще Каспий, и для этого жертвовать Севером русским не имеет никакого смысла. <...> Предлагалось обсудить первый этап переброски рек. Ну скажите, возможно так, чтобы в архитектуре

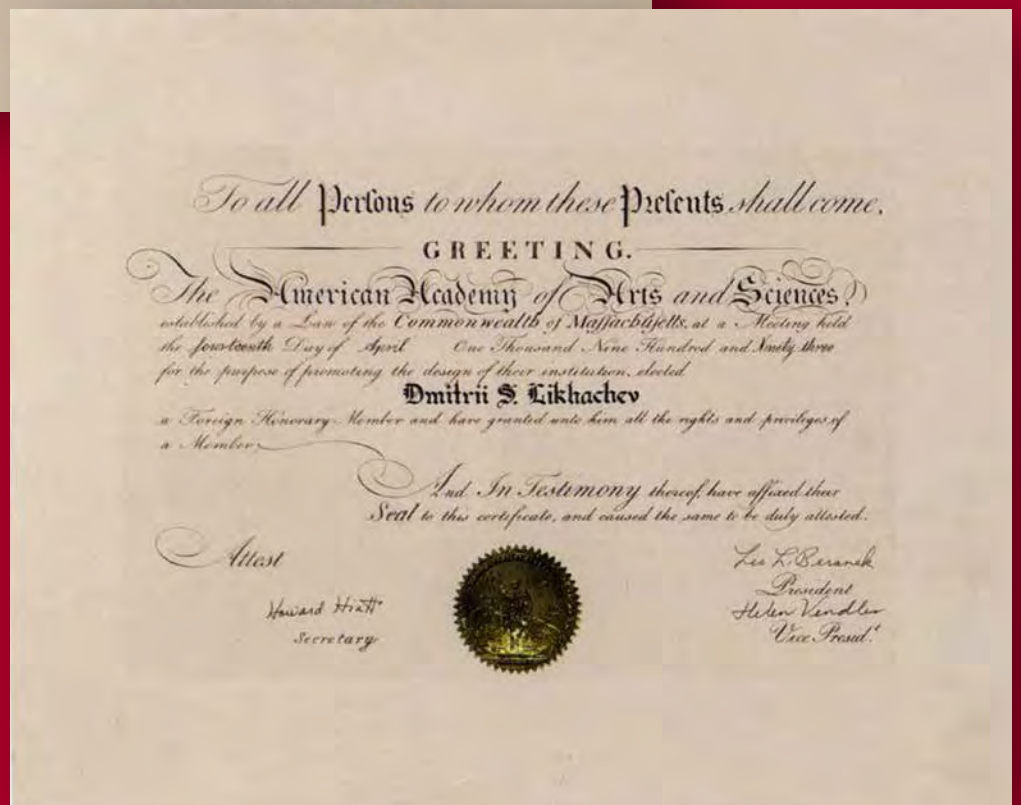
Д.С. Лихачев в мантии почетного доктора Оксфордского университета. 1967

²² Лихачев Д.С. Письмо участникам круглого стола «Конституция России и права культуры», проводившегося Госдумой и Международной Лигой защиты культуры, от 09.12.1998 г. Архив СПб. МЛЗК.

Диплом члена-корреспондента
Австрийской академии наук
на имя Д.С. Лихачева.
16 мая 1968 г.

Диплом доктора
литературы
Эдинбургского
университета на имя
Д.С. Лихачева. 1972

Диплом зарубежного члена
Американской академии
искусств и наук на имя
Д.С. Лихачева.
14 апреля 1993 г.

Д.С. Лихачев. Обсуждение Декларации прав культуры. Дворец Белосельских-Белозерских. 10 апреля 1996 г.

обсуждался проект первого этажа здания и не говорилось бы, сколько вообще будет этажей этого здания и какими они будут? Это же невозможно. Предлагалось разрешить этот этап без голо-

сования, т.е. переброску около 6 кубических км. воды. Причем не было обсуждено, что при этом погибнет. Заливается город Тотьма, подмывает-ся Каргополь. <...> Всякие такие большие проекты, они требуют очень глубоких представлений. <...> Может ли ныне существующее население России распорядиться своими памятниками, морально это или не морально? Почему население русского Севера, жившее там с XII века, поразительное по своим качествам, в том числе и моральным, по трудовым традициям, традициям фольклорным, традициям письменности и т.д., должно отказываться от своих памятников, от своих традиций, лишаться своих мест, чтобы перебросить воду на юг? Можно привести много примеров, когда легкомыслие и недостаточная ответственность за свои действия ученых могут привести к катастрофическим последствиям для целых районов страны. И если правда, что третья очередь переброски вод затронет Печору, то это значит, что будет решена судьба народа Коми, одного из самых интересных и самых культурных народов нашего русского Севера. Русский народ несет ответственность. Это меня сейчас чрезвычайно волнует, и считаю это главным вопросом научной моральной этики»²³.

Называя нашу Землю огромным Эрмитажем, несущимся в космическом пространстве, музеем, сотворенным руками миллионов поколений, Д.С. Лихачев говорил, что она уже не в состоянии вынести потребленческой психологии своих детей, бездумной и безудержной эксплуатации своих богатств. У нашей цивилизации есть единственный шанс сохраниться – это ответственность за действия и поступки, понимание взаимосвязи всех явлений, отказ от бездумных и самоубийственных попыток переупрямить саму природу²⁴. Дмитрий Сергеевич хотел донести до молодежи мысль, для чего мы вообще живем, для чего существует научно-технический прогресс: «Для роста культуры, для роста творчества культуры. Для этого нужна память, не отдельные даже памятники, должна быть культурная среда, чтобы в этой культурной среде выросло творчество будущего»²⁵.

Отпевали Дмитрия Сергеевича в Князь-Владимирском Соборе на Петроградской стороне. В этом Соборе отпевали и его отца, который умер во время блокадной зимы в Ленинграде.

²³ Лихачев Д.С. Выступление в концертном зале Останкино. Повтор записи на телеканале НТВ в день прощания с Д.С. Лихачевым 03.10.1999.

²⁴ Единственный шанс цивилизации. Газета «Талисман». Еженедельник «ЛГ» для Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Выпуск №7 (462). 15 апреля 2005 года. <http://talisman.elsu.ru/462/01.html>

²⁵ Лихачев Д.С. Выступление в концертном зале Останкино. Повтор записи на телеканале НТВ в день прощания с Д.С. Лихачевым 03.10.1999 года.

В этом же соборе зимой 1993 г. планировалось отпевать и С.Н. Рериха, который сам высказывал это пожелание. Но, вопреки его воле, захоронения в Санкт-Петербурге не произошло, и во Владимирском Соборе была проведена панихида. Как причудлива бывает игра судьбы, ведь напомним, что оба великих деятеля культуры учились в одни годы в гимназии К.И. Мая...²⁶

С уходом из жизни Дмитрия Сергеевича мы лишились сдерживающего начала, лишились человека, способного поднять голос в защиту культурных ценностей и исторической памяти – проникновенный, спокойный и негромкий голос, к которому прислушивалась вся Россия, а иногда и весь мир. Без него все труднее становится отстаивать перед властями сущностные критерии при планировании застроек и сносе зданий, при учащающихся попытках выселения из памятников истории и культуры учреждений, которые имели исторические права и целесообразные основания для пользования ими. Все чаще памятники культуры, лишаясь своей души, развоплощаются, и натиск невежества, подобно духовному Чернобылю, поражает сознания людей.

Суррогаты псевдокультуры навязываются нам на улицах, эстраде, с экранов телевизоров. Ими общество наркотизируется, оскудевают и деградируют души. Прежде всего страдают дети, лишённые жизнеутверждающей красоты. Сложную демографическую проблему не решить денежными допингами, ведь качество жизни детей и созвучие в семьях определяется совсем другим.

Д.С. Лихачев, признавая значимость учения о биосфере В.И. Вернадского, которого он считал «величайшим ученым и мыслителем XX века, гордостью русской науки», предлагал дополнить концепцию биосферы понятием «гомосферы» – сферы человеческой культуры. Он опасался тенденции опережающего развития естественных наук по сравнению с гуманитарными, в которых он видел мощный источник воспитания нравственного мира каждого отдельного человека и всего общества в целом. Без должного приоритетного внимания к художественному творчеству, культуре языка, к истории и искусствам, как считал Д.С. Лихачев, мы получим «безнравственное общество или общество с извращенной нравственностью». Он – наверное, один из немногих – еще в 1988 году предвидел, что «в результате появления “карманных” атомных бомб мы

окажемся в плену у толпы террористов и сами правительства превратятся в террористические организации <...> Вот почему мы все силы должны употребить на воспитание нравственности»²⁷.

До тех пор, пока повсеместно в обществе не будет осознан, признан и утверждён эволюционный приоритет культурных ценностей, жизнь будет обесмыслена, и в назидание, как жгучая совесть народа, с укором, но и с надеждой будут звучать слова последнего подвижника культуры: «Уважаемые граждане, россияне!

Русская культура бессмертна! Но бессмертна, пока бессмертны ее произведения, ее памятники, пока бессмертна литература, которая переведена на все языки, пока бессмертна ее музыка, ее живопись, ее наука, все то, что составляет понятие культуры, – традиции, фольклор и так далее, и так далее...

Если хоть одна часть этой культуры будет отсутствовать, если погибнут книги, как погибают они сейчас, <...> то это урон и предсмертие русской культуры. Если погибнут библиотеки, если погибнут архивы, – а архивы представляют документы в одном только экземпляре, – то не будет русской культуры.

Поэтому наша задача сейчас – сохранить все то, что осталось от русской культуры XIX и предшествующих веков, все то, что русская культура создала в течение последнего тысячелетия. Сохранить бережно, сделать ее доступной для молодежи, для всех, кто занимается культурой, – тогда величие России не пострадает.

Величие России не в военной славе, не в военных победах, не в количестве танков и орудий, величие России только в ее культуре. А культура – это основа всего.

“Вначале было Слово”, Слово – это Логос, то есть мысль. Мысль предшествует материи, материальному воплощению культуры. Это надо помнить. Это пытались истребить марксисты, которые пытались показать, что на основе материи создается дух. Нет, дух создает материю. Как инженер создает сперва чертеж, а потом строит здание. Как писатель сперва пишет, а потом это воплощается в книгу. Сохраним русскую великую культуру. Будем заботиться о ней в первую очередь. В первую очередь о ней, о слове, о замысле, о наших достижениях прошлых лет. Мы вступаем уже в третье тысячелетие. Спасибо вам за внимание»²⁸.

²⁶ Благово Н.В. Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. СПб., 2006. С. 84.

²⁷ Ответы Д.С. Лихачева на вопросы редакции журнала «Наука в СССР» в связи со 125-летием со дня рождения В.И. Вернадского. – Наука в СССР, 1988, №2. С. 16.

²⁸ Приветствие Д.С. Лихачева участникам южно-российской научно-практической конференции «Культура – мощный фактор развития», проводившейся по инициативе Международной Лиги защиты культуры в Ростове-на-Дону. Аудиозапись Г.Р. Некрасова 7 февраля 1997 г. дома у Д.С. Лихачева. Архив СПб. МЛЗК.

Д.С. Лихачев и сохранение Всемирного Наследия

*Чтобы сохранить памятники культуры,
необходимые для нравственной оседлости людей,
мало только платонической любви к своей стране,
любовь должна быть действенной.*

Д.С. Лихачев

Даниил Александрович Гранин вспоминает, что однажды попросил Дмитрия Сергеевича Лихачева назвать главный итог его многолетней деятельности и в ответ услышал: «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы»¹. Действительно, подобно Карамзину, открывшему для своих современников мир отечественной истории, Лихачев был в известном смысле Колумбом – открывателем средневековой русской литературы, он сделал культуру древней Руси достоянием не только научного, но и общественного сознания.

Но замечательный исследователь древнерусской культуры никогда не замыкался в рамках своей научной темы, не ограничивался лишь академической деятельностью. Большое место в жизни и судьбе Лихачева занимало участие в сохранении культурного и природного наследия. Его взгляды на проблему защиты наследия изложены во множестве самых разнообразных текстов – от сугубо научных статей до публицистических выступлений на радио и телевидении в жанре интервью и открытых писем. Он сам высказался об этом так: «Очень часто то, что я пишу, скорее письмо, а не научная статья. Письмо, в котором автор говорит пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт»².

Трудно определить общее количество работ Д.С. Лихачева, которые содержат суждения о Культурном и Природном Наследии³, – их многие десятки. Считается, что его первое выступление в защиту Наследия было опубликовано в начале 1955 года, то есть полвека назад⁴. Главное сочинение на эту тему – статья «Экология культуры» – впервые было напечатано в 1979 году в журнале «Москва». В дальнейшем эта работа неоднократно переиздавалась у нас и за рубежом и постепенно приобрела всемирную известность. В конце жизни Дмитрий Сергеевич вспоминал: «Я в свое время предложил осторожный термин для защиты человеческой культуры – экология культуры, встретивший первоначально некоторые возражения, но впоследствии принятый и распространившийся широко в мировой научной литературе и публицистической прессе»⁵.

В чем же заключается суть учения об экологии культуры? Лихачев полагал, что экологию, которая изучает мир как целое, нельзя ограничивать проблемами природной биологической среды. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Он неоднократно и очень настойчиво утверждал, что и отношение к природе, и отношение к культуре требует общих правил нравственности, осознания человеком себя как неотъем-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. Водолазкин Е.Г. СПб., 2002. С. 382.

² Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 615.

³ В Москве имя Д.С. Лихачева носит Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия.

⁴ Лихачев Д.С. Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: Письмо в редакцию // Литературная газета. 15 января 1955 г.

⁵ Лихачев Д.С. Русская культура. СПб., 2000. С. 92–93.

Д.С. Лихачев. 1980-е гг.

лемой части природы и части культуры: «Экология – проблема нравственная»⁶.

Мысль о том, что необходимо брать под охрану не только архитектурные памятники, но и целые пейзажи, в наши дни выглядит тривиальной. Однако следует помнить, что к осознанию необходимости комплексной защиты Наследия человечество пришло очень поздно – только во второй половине XX века, после разрушительных мировых войн и катастрофического ухудшения

природной среды в процессе форсированного индустриального развития. В статье «О природе для нас и о нас для природы» Лихачев обратил внимание на опыт Шотландии, где под охрану взяты не только памятники архитектуры, но и целые пейзажи. Он писал, что пейзажи России должны быть учтены (каталогизированы) и тщательно оберегаемы, в том числе Плёс на Волге, берега Волхова у Новгорода Великого, заливные луга по Десне у Новгорода Северского, Куликово поле, Бородинское поле и т.д.⁷ Одним из первых он обратил внимание на то, что есть угрозы, которые в равной степени опасны и для памятников природы, и для памятников культуры. Например, в Летнем саду в Петербурге кислотные дожди одинаково губительны и для вековых деревьев, и для мраморных статуй⁸.

Основные идеи экологии культуры восходят к одной из важнейших философских работ Серебряного века – «Мир как органическое целое» Н.О. Лосского. Среди источников этой знаменитой статьи Лихачева следует назвать также «Оправдание добра» В.С. Соловьева, градоведческие работы И.М. Гревса.

Здесь уместно уточнить, что именно Дмитрий Сергеевич вкладывал в понятие культурного наследия. Развернутый

ответ на этот вопрос мы находим в его проекте «Декларации прав культуры», который был впервые обнародован в 1995 году. На первое место он уверенно ставил язык: «Язык является главной культурной ценностью народа»⁹. Наряду с языком, культурное наследие, по Лихачеву, включает традиции, обычаи, обряды, фольклор, народные промыслы и ремесла, архивные, музейные и библиотечные фонды, а также памятники археологии, архитектуры, памятные исторические

⁶ Лихачев Д.С. Русская культура. СПб., 2000. С. 94.

⁷ Там же. С. 348–349.

⁸ Лихачев Д.С. Экология – проблема нравственная // Наше наследие. 1991. №1. С. 4.

⁹ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры (проект идей) // Д.С. Лихачев – университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 30.

места, уникальные ландшафтные зоны. Он предостерегал от свойственного нашему времени суженного представления о Наследии, которое проявилось, в частности, в «Петербургской стратегии сохранения наследия». В этом программном документе, принятом городским правительством в 2005 году, речь идет лишь о памятниках архитектуры и градостроительства, а остальные составляющие наследия даже не упоминаются. Подобный взгляд не встретил бы сочувствия у автора «Экологии культуры». Характерно, что к «экологическим бедствиям» XX столетия Лихачев относил и разрушение храмов, и обеднение лексики русского языка. Он писал, что «уменьшение общей стыдливости и снижение интереса к личной репутации в человеческом обществе, в результате чего исчезает чувство чести, – экологическое бедствие»¹⁰, что зоной экологического бедствия могут оказаться кино, театр, музыка и т.д.

«Экология культуры» Лихачева получила широкий отклик и всколыхнула общественное культурно-экологическое движение. Один из активистов «Совета по экологии культуры», возникшего в Ленинграде во второй половине 80-х годов, Михаил Талалай вспоминает, что он и его товарищи воспринимали Лихачева как апостола и опирались на его авторитет в своей деятельности. Напомним, что молодежные группы «Спасение памятников», «Экология рядовой архитектуры» («ЭРА»), «Мир» занимались защитой приговоренных к сносу петербургских домов, сохранением гибнущих в результате комплексного капремонта интерьеров, восстановлением исторических названий улиц и площадей, благоустройством кладбищ и заброшенных храмов. Наиболее яркими акциями, связанными с этим ленинградским движением эпохи перестройки, являются битвы за дом Дельвига (1986) и гостиницу «Англетер» (1987). Во всех подобных слу-

*Институт русской литературы РАН – Пушкинский Дом.
Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4*

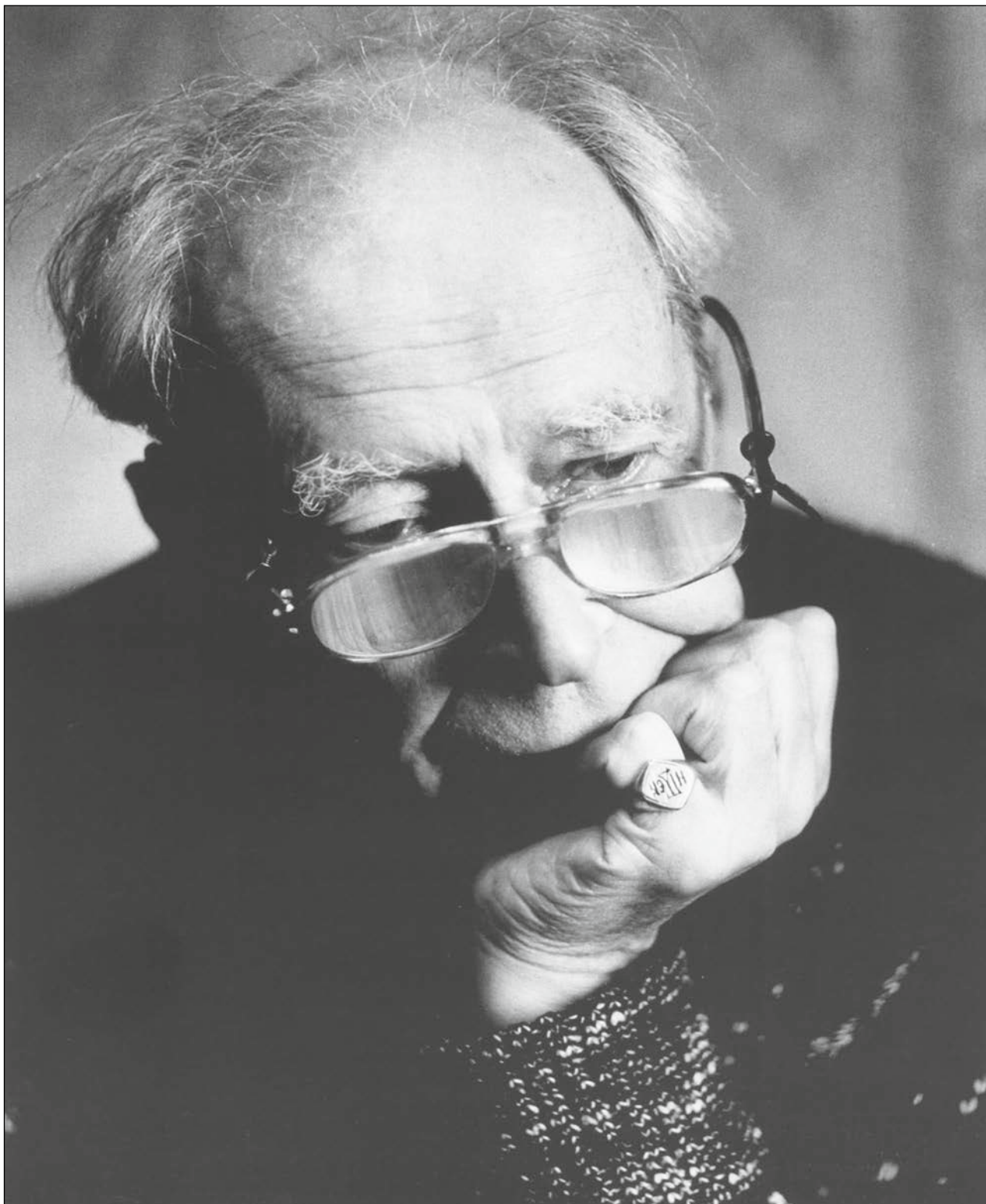
чаях Дмитрий Сергеевич без колебаний становился на сторону услышавшей его призыв молодежи.

Оценивая роль и место культурного наследия в жизни современного общества, Лихачев был зачастую аксиоматичен и формулировал свою позицию как символ веры – без доказательств (так и названа одна из последних его книг – «Без доказательств»). Вот некоторые безусловные для него истины:

«Культура представляет главный смысл и главную ценность как отдельных народов, так и государств»¹¹;

¹⁰ Лихачев Д.С. Русская культура. С. 94.

¹¹ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры. С. 29.

Д.С. Лихачев. 1980-е гг.

«Сохранение и развитие культуры каждого народа должно стать делом всего мирового сообщества»¹²;

«Культура любого народа одновременно является достоянием всего человечества»¹³;

«Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он, как правило, равнодушен и к своей стране»¹⁴.

Внучка академика Зинаида Курбатова вспоминает: «Каждое срубленное вековое дерево и сне-

¹² Лихачев Д.С. Декларация прав культуры. С. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. №2. С. 11.

сенный старинный дом дед воспринимал как личную трагедию»¹⁵. Думаю, что в этом свидетельстве нет преувеличения. В своеобразном завещании Лихачева, проекте «Декларации прав культуры» он утверждал: «Утрата любого элемента Культурного Наследия является невосполнимой потерей и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации»¹⁶. А между тем «запас памятников культуры, запас культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью»¹⁷.

Лихачев обращает внимание на то, что памятники культуры более уязвимы по сравнению с природой: «Природа обладает способностью к самоочищению и восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань. Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно»¹⁸.

Для него было очевидно нравственное значение культурной среды, ее влияние, воздействие на человека: «Памятники старины воспитывают, как ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе»¹⁹. Это тесным образом связано с его убеждением в том, что «без памяти нет совести» (блаженный Августин). Забвение, отказ от памяти о том, что было с тобой, со страной, с человечеством, – вот что приводит к утрате совести и более всего разрушает человека. Укорененность человека в истории, в культурной среде Дмитрий Сергеевич называл «нравственной оседлостью», без которой, как он считал, люди не могут оставаться людьми.

Выбор его жизненного пути был связан именно с этим. Он рассказывал, что в 1923 году (17 лет от роду) начал заниматься древнерусской литературой потому, что «хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети». В другом месте он пишет: «В юности я приехал в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения-на-Покровке конца XVII века. Я ниче-

го не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда»²⁰.

Менее всего Лихачев был отвлеченным теоретиком экологии культуры. Совсем не обладая избыточным общественным темпераментом, он активно вмешивался в повседневную жизнь, играл большую, подчас решающую роль в практических делах защиты наследия. Его последний референт, И.А. Лобакова, вспоминает: «Большинством жителей нашей страны Дмитрий Сергеевич воспринимается как главный хранитель памятников культуры – и сколько людей приходило к нему с просьбой помочь отстоять, спасти, сохранить храмы и музеи, парки и школы, дома и имена людей, улиц, городов!»²¹ Вспомним его роль в создании Всероссийского общества охраны памятников в середине 60-х, многолетнее руководство изданием «Литературных памятников» и «Памятников литературы Древней Руси», вспомним, что рождение Фонда культуры в середине 80-х годов стало возможным именно благодаря Лихачеву, который возглавил Фонд в первые годы его существования, вспомним его роль в остановке чудовищного проекта поворота сибирских рек, вспомним, что заповедник «Парк Монрепо», Дом-музей М.И. Цветаевой в Москве, Международный Центр Рерихов и множество других очагов культуры появились на свет благодаря его поддержке.

Его любовь к своей стране и к всемирному наследию никогда не была созерцательной. Это была любовь-действие. Многим он запомнился человеком с тихим голосом, впрочем, хорошо всем слышным. Зинаида Курбатова не соглашается: «У деда был довольно громкий голос, просто страна и мир по-настоящему услышали его, когда он был уже очень стар». В заповедях-наставлениях Дмитрия Сергеевича Лихачева, к счастью, бережно собранных и изданных в последние годы, мне особенно близка следующая: «Даже в ситуациях тупиковых, когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос»²².

¹⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 44.

¹⁶ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры. С. 82.

¹⁷ Лихачев Д.С. Экология культуры. С. 15–16.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Лихачев Д.С. Русская культура. С. 164.

²⁰ Лихачев Д.С. Экология культуры. С. 15.

²¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 120.

²² Там же. С. 383.